

УДК 821.161.1-31'06.09(092)

DOI 10.31.65/2520-6966-2020-14f-98-76-89

Л. М. Остапенко

кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, компаративистики и перевода Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя

Т. Ю. Семендяй

магистр Института филологии, журналистики и перевода Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя

Библейский код в романе М. Булгакова "Мастер и Маргарита"

Стаття присвячена визначенню особливостей художньої рецепції Біблії в романі М. Булгакова "Майстер і Маргарита". У дослідженні біблійного коду роману автори спростовують міф про апокрифічність твору письменника. У статті здійснено компаративний аналіз образів роману у зіставленні з біблійними прототипами, окреслено та інтерпретовано відхилення від першоджерела, визначено роль біблійних образів у розкритті ідейного змісту твору. У статті охарактеризовано особливості біблійного часу і простору та визначено їх функціональність у романі. Дослідження показало, що урахування біблійного коду, який вміщує образи ершалаймських розділів та особливості хронотопу роману, є надзвичайно важливим в осяненні авторського задуму.

Ключові слова: М. Булгаков, "Майстер і Маргарита", біблійний код.

Роман "Мастер и Маргарита" – это итоговое произведение М. Булгакова, аккумулирующее в себе ведущие мотивы его творчества. Среди них особое значение имеют библейские мотивы, образы и характеристики времени и места, которые в романе "Мастер и Маргарита" получают художественную трактовку и становятся важнейшим кодом его прочтения.

Переосмысление М. Булгаковым библейского наследия, дающее представление о мировоззрении писателя, вызывало интерес у многих литературоведов. Особенности трактовки мотивов Нового Завета в творчестве М. Булгакова исследовали Б. М. Гаспаров, В. И. Немцев, Т. Ю. Малкова. Рецепция М. Булгаковым библейских образов стала предметом изучения в работах М. О. Чудаковой, Ю. В. Бабичевой, И. Кирилловой, С. Г. Макеевой, О. Н. Николенко. Особенности трактовки писателем христианской мифологии рассматривали Е. А. Яблоков, С. В. Никольский, И. Л. Галинская, Л. М. Яновская, И. С. Урюпин и др.

Однако вопреки пристальному вниманию авторитетных учёных к этой проблеме, в массовом сознании закрепилось представление о романе как об апокрифическом произведении, своего рода "Евангелии от Булгакова" [6; 12], "антиевангелии" [9] или "*евангелии от Сатаны*" [5, с. 20]. Этим и объясняется актуальность анализа и переосмысления романа с точки зрения его библейского кода. Цель нашей статьи состоит в определении особенностей художественной рецепции Библии в романе М. Булгакова "Мастер и Маргарита".

Булгаковеды неоднократно обращались к сопоставлению образов из ершалаимских глав романа с их библейскими прототипами. Однако подобные наблюдения не имели системного характера и не давали целостного представления о функциональности библейских образов в произведении. Поэтому определение их роли в раскрытии идейного замысла М. Булгакова до сих пор остается весьма проблематичным.

Наиболее дискуссионным в романе является образ Иешуа Га-Ноцри. С одной стороны, для всех очевидно, что он стал художественным воплощением Иисуса Христа, с другой стороны, многие учёные спорят о том, можно ли поставить знак тождества между исторической личностью Христа и образом, созданным М. Булгаковым в романе "Мастер и Маргарита". Большинство исследователей романа "Мастер и Маргарита" считают, что Иешуа сочетает в себе исторические, этические, философские, психологические черты человека-праведника, но не Спасителя [1, с. 26]. Более того, некоторые из них склонны утверждать, что Иешуа М. Булгакова не подчиняется христианским догмам и правилам поведения [9; 10; 11; 7].

Основополагающей в осмыслении этого образа является проблема человеческой сущности Христа, выходящая далеко за пределы романа М. Булгакова. Она остается не только предметом богословских споров, но и камнем преткновения в восприятии произведений искусства, демонстрирующих телесность Христа. Комментируя образ Иешуа, И. Виноградов акцентирует в нем человеческое, земное начало. По его словам, Иешуа у Булгакова – это изображение христианской легенды, которое является правдивее, чем в Евангелиях. Исследователь считает, что Бог, то есть человек, который побывал на земле, однозначно должен быть обыкновенным представителем человечества, о котором ничего неизвестно, в частности и то, что он – Сын Божий [3, с. 68].

По-видимому, ответ на этот вопрос является определяющим в понимании идейной направленности романа, поскольку именно "человечность" образа Иешуа Га-Ноцри становится точкой отсчета в

поисках других доказательств отступления М. Булгакова от библейского текста. В ходе сопоставления образа Иешуа с историческим прототипом обнаруживаются расхождения с первоисточником, касающиеся имени, возраста, происхождения, внешности, числа последователей, учения и проповеди, спора об Истине, Распятия и Воскресения Христовых, человеческой и божественной сущности Христа.

Мы полагаем, что указанные позиции вполне соответствуют библейским свидетельствам о Христе и их функциональность в романе актуализирует сакральный смысл Святого Письма. По нашему мнению, М. Булгаков останавливает свой выбор на древнееврейском имени Иешуа Га-Ноцри, чтобы подчеркнуть исторические корни образа Иешуа и выразить сакральный смысл имени ("Иешуа" с др. евр. "Спаситель, посланник Бога"), восходящего к ветхозаветным пророкам о приходе Мессии (Ис. 7:14). Употребление варианта имени "Га-Ноцри", этимологически связанного со словами "нецер" (др.-евр. "ветвь" (Ис. 53:2), презр. "отщепенец"), "нацер" или "ноцер" ("страж", "пастух") (Мф. 2:6; Лк. 15:4–7; Ин. 10:3–5) заостряет внимание на духовном конфликте христианства и иудаизма, обозначившемся в связи с Пришествием Христа и определившем сомнение в существовании Спасителя вплоть до спора на Патриарших прудах, которым начинается роман.

Историческую подоплеку имеет выбор М. Булгаковым возраста героя как человека "*лет двадцати семи*" [2, с. 24]. Речь идет о расхождении в библейской хронологии, связанных с пересмотром летоисчисления Рождества Христова, основанного Дионисием Малым. В современной библеистике существует предположение, что отсчет нашей эры имеет неточность с разницей примерно в четыре года [8]. Вероятно, М. Булгаков берет во внимание научную гипотезу, связанную с исторической личностью Христа, и указывает примерный возраст Иешуа Га-Ноцри.

Вполне оправданно, на наш взгляд, М. Булгаков уходит от исторических сведений о происхождении Христа, представляя Иешуа не сыном Марии и Иосифа (Лк. 1:34), а сиротой, не знающим родителей, из города Гамалы. Таким образом подчеркивается сакральный смысл библейской идеи Завета. Согласно ветхозаветной Книге Бытия, избранный народ, родившийся от Авраама, будет свидетельствовать всему миру о существовании Единого Бога (Быт. 12:1–2) и через него получат благословение "все народы земли" (Быт. 22:18). В Новом Завете избранным народом называются не только прямые потомки Авраама, но все, кто уверовал в Единого Бога и Христа, как

Спасителя, "где нет ни Еллина, ни Иудея ... Скифа ..., но всё и во всём Христос" (Кол. 3:8–11). Будучи потомком Авраама, появившемся на свет в родном городе своего предка царя Давида (Мф. 1:1), Вифлееме, Иисус снял вопрос о родстве человеческом в пользу родства с Богом: *"И отвечал им: кто мать Моя и братья Мои? И обзрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот мать Моя и братья Мои"* (Мк. 3:33–34). Поэтому Евангелие от Иоанна, акцентирующее внимание на божественной сущности Христа, не содержит Его родословной (Ин. 1:1–5).

Комментаторы романа видят отступление от Библии в портретной характеристике Иешуа. Созданный М. Булгаковым образ противоречит традиционным представлениям о внешности Христа, сложившимся в иконописной традиции, поскольку в романе Иешуа присутствует исключительно после его ареста и представлен в весьма неприглядном виде. Изображая Иешуа грязным, немощным и обезображенным пытками, М. Булгаков даёт представление о Мессии, которое восходит к ветхозаветным пророчествам, свидетельствующим о Спасителе, как об умалишенном и отвергнутом людьми: *"Нет в Нем ни вида, ни величия, и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален перед людьми, муж скорбей, изведавший болезни, и мы отвергали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что не ставили Его"* (Ис. 53:2–3).

Нравственный смысл учения Иешуа Га-Ноцри чаще всего становится предметом исследования булгаковедов, считающих, что в романе М. Булгакова он сведён к утверждению *"Все люди добрые"*. По мнению многих, Иешуа не проповедует библейские истины, но как гуманист подчёркивает в человеке доброе начало. В этом ключе трактуется разговор об истине между Иешуа и Пилатом – один из важнейших теологических споров, имеющих библейскую основу. В Библии на вопрос Пилата "что есть истина?" Иисус говорит: *"Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего"* (Ин. 18:37). В словах Иешуа: *"Истина в том, что у тебя болит голова"* [2, с. 29] – усматривают иронический уход от предмета разговора [10]. Многими комментаторами романа эта сцена истолковывается, как отступление от канонического текста Библии, свидетельствующее о религиозных сомнениях писателя. Это противоречит ключевому признанию Иешуа по поводу судьбы Иерусалимского Храма. Согласно Библии, слова Христа о разрушении Храма лжесвидетели восприняли буквально (Мф. 26:61). В ответ на обвинения Пилата Иешуа открывает

сакральный смысл этих пророчеств в соответствии с Благой Вестью Христа: "... рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины" [2, с. 28].

Можно согласиться с тем, что Иешуа в романе не проповедует библейские истины, но только в том смысле, что он вообще не проповедует. В то время как Евангелия изобилуют проповедями Христа об Истине, благовествующими о Спасении, в романе Иешуа не говорит "решительно ничего" из того, что было записано Левием Матвеем. В соответствии с евангельским пророчеством Христа о превратном понимании Его учения, появлении "лжехристов и лжепророков" (Мф. 24:24) Иешуа свидетельствует, что "путаница эта будет продолжаться очень долгое время" [2, с. 28], что его именем будут проповедовать ложь и, наконец, объявят, что его "вовсе не существовало на свете" [2, с. 11].

Утверждение Иешуа веры в единого Бога: "Бог один, в него верю я" [2, с. 36] и в доброту "всех людей" являются основополагающими в ветхозаветном изложении Закона Моисеева, регламентирующего отношение к Богу на первой Скрижали (Исх. 20:1–12), и отношение к людям – на второй (Исх. 20:13–17). Эти заповеди, по свидетельствам Евангелистов, Иисус называет самыми важными: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сие есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего своего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь Закон и Пророки" (Мф. 22:37–39).

Особого внимания заслуживает изображение в романе крестного хода и распятия. Сопоставляя сюжет романа с первоисточником, некоторые исследователи склонны утверждать, что Иешуа не проходит крестный путь, поскольку троих осуждённых доставляют к месту казни на повозке [9]. Однако натуралистические подробности описания Иешуа свидетельствуют о том, что его "крестные муки" начались еще по пути на Лысую Гору: первый час Иешуа охватывали обмороки, "а затем он впал в забытие..." [2, с. 206]. В эпизоде распятия писатель акцентирует внимание на телесных деталях, тем самым подчеркивая невероятные физические страдания Иешуа: "Мухи и слепни облепили Иешуа, так что лицо его исчезло под черной шевелящейся массой. В паху, и на животе, и под мышками сидели жирные слепни и сосали желтое обнаженное тело" [2, с. 206]. Обращая внимание на то, что Иешуа не говорит одному из разбойников, как Иисус: "Нынче же будешь со мною в раю" (Лк. 23:43), исследователи романа склонны считать, что герой М. Булгакова не

обещает Спасения души. Мы не можем согласиться с этим мнением, поскольку Дисмас не раскаивается в своих грехах, наоборот, упрекает Иешуа в несправедливом отношении к нему.

В отличие от библейского изложения событий, где казнь Иисуса совершают римские воины, выполняющие приказ, Булгаков откровенно называет тех, кто распинает Иешуа, палачами, а исполнение приговора – убийством. В Библии сказано, что легионер вонзает копьё в Тело умершего Христа, чтобы убедиться в этом (Ин. 19:30–34). В романе один из палачей, подошедших к столбу, касается копьём живого Иешуа: *"Тело с выпятившимися ребрами вздрогнуло"* [2, с. 206]. М. Булгаков подчёркнуто натуралистично описывает кончину Иешуа вследствие удара копьём: *"кровь побежала по его животу, нижняя челюсть судорожно дрогнула, и голова его повисла"* [2, с. 207]. Тем самым он акцентирует внимание не на радости Воскресения Христова, воплощённой в иконописном Лике Спасителя, а на крестных муках, которые Ему предстояло пройти ради Спасения человечества. Очевидно, писатель стремился максимально приблизиться к исторической правде о Страданиях Христа. Именно поэтому в библейских главах романа воспроизводится только история Страстей Христовых.

Этот художественный приём использует и современный американский режиссёр Мэл Гибсон в художественном фильме "Страсти Христовы", где изображает сцены пыток и казни Христа с натуралистическими подробностями. После выхода фильма представители церкви подвергли режиссёрский замысел М. Гибсона жёсткой критике. По той же причине, как нам кажется, многие исследователи романа не могут принять образ Иешуа Га-Ноцри как художественное воплощение Христа.

По нашему мнению, образ Иешуа в романе осуществляет Благую Весть Христа (Мф. 5:1–7:29; Лк. 6:12–41): прощает оскорбления Левию Матвею, во время допроса исцеляет Пилата от головной боли; у позорного столба в ответ на злобные упреки разбойника просит палача дать ему попить. История Пилата, которую в романе пишет Мастер, в конечном итоге оказывается историей о любви Бога к человеку. Во имя этой любви Иешуа умирает на кресте, в последнюю минуту упоминая приговорившего его "игемона", подобно тому, как Иисус молился о тех, кто пригвождал Его к кресту (Лк. 23:33).

Изобразив Иешуа Га-Ноцри человеком с земными характеристиками, М. Булгаков хотел показать, что изначально Иисус пришел в мир как человек, чтобы претерпеть телесные муки и физическую смерть. В соответствии с ветхозаветными пророчествами, все это

предстояло Христу для того, чтобы убедить человечество в возможности воскресения, в способности повторить Его путь и обрести Спасение: *"Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились"* (Ис. 53:5–6).

И в Библии, и в романе распятие кардинально меняет картину мира. Согласно библейскому тексту, в момент смерти Иисуса померкло солнце, случилось землетрясение, в Иерусалимском Храме разодралась завеса, которая отделяла святая святых от остальной части Храма (Мф. 27:51–53). В толкованиях Библии это трактуется, как знамение о приближении человека к Богу, возможности Спасения. Гроза, описанная в романе, завершает сюжетную линию современной истории: *"Тьма, пришедшая из Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город ... Опустилась с неба бездна. Пропал Ершалаим – великий город, как будто не существовал на свете. ... Всё пожрала тьма..."* [2, с. 341]. М. Булгаков подчёркивает катастрофические последствия смерти Иешуа для всего мира. Образ тьмы, окутавшей не только город, но и всю землю, приобретает в романе апокалиптический смысл как знамение о конце света.

Евангелия свидетельствуют о воскресении Христа спустя три дня после погребения (Мф. 28:1–10; Мк. 16:1–11; Лк. 24:1–12; Ин. 20:1–18) и явлении Его ученикам (Лк. 24:38–39). Отсутствие в романе сцены воскресения даёт исследователям еще одно основание считать, что образ Иешуа далёк от своего исторического прототипа. Однако присутствие Иешуа в московских главах романа доказывает обратное. Вопреки представлениям исследователей о том, что Иешуа лишен мессианского профиля, его роль в судьбе Пилата, Левия, Мастера и Маргариты воплощает библейскую идею Спасения. Несмотря на предполагаемые отклонения от Библии, образ Иешуа Га-Ноцри полностью отвечает сакральному значению ветхозаветных пророчеств о Мессии и евангельских текстов, свидетельствующих о земной жизни Христа.

Система художественных образов, функционирующая в ершалаимских главах романа, создана М. Булгаковым с учетом специфики библейского текста. В этих образах отразилась не только их связь с библейскими прототипами, но и значение в контексте Священной истории. Прочтение их с точки зрения библейского кода свидетельствует, что как и библейские персоналии, они не только соответствуют историческим реалиям, но и являются носителями сакрального

смысла. В ершалаимских главах романа М. Булгаков представлена универсальная типология человеческих образов, которые выполняют различные функции по отношению к Иешуа (последователя, предателя, судьи), но независимо от этого оказываются в разной степени сопричастными к его смерти.

Особое место в ершалаимских главах отведено образу Пилата и первосвященнику Каифе как непосредственным участникам суда над Иешуа. В характеристике личности Пилата, сцены допроса и отношения прокуратора к вынесению приговора М. Булгаков точно следует евангельским текстам. Психологический портрет Пилата в романе раскрывает библейское предостережение о нем как о слабовольном человеке, умывшем руки после утверждения смертного приговора Христу (Мф. 27:11–26; Мк. 5:1–15; Лк. 23:1–25; Ин. 18:28–19:16). В романе Пилат также предстает заложником своего титула, по отношению к которому его собственное имя становится вторичным, и уступает страху перед кесарем, который мерещится ему во время допроса Иешуа [2, с. 33]. Библия умалчивает о душевных терзаниях Пилата после суда над Христом, хотя указывает на понимание им своего поступка (Ин. 19:19). М. Булгаков акцентирует внимание на сомнениях Пилата, вынуждая его огласить смертный приговор Иешуа и впоследствии осознать степень личной вины в случившемся: "... настало мгновение, когда Пилату показалось, что все кругом вообще исчезло. Ненавидимый им город умер, и только он один стоит, сжигаемый отвесными лучами, упершись лицом в небо" [2, с. 45]. В том, что со смертью Иешуа прокуратор теряет все, что некогда было в его подчинении, отражает Христово понимание земной власти исключительно как действующей в предустановленных свыше пределах (Ин. 19:11). Еще одним подтверждением этому становится отклоняющееся от библейского повествования распоряжение Пилата устранить Иуду. Этим решением, обусловленным желанием прокуратора переложить ответственность за смерть Иешуа на другого, Пилат лишает жизни Иуду, подталкивает Афрания к убийству, Низу – к предательству, и тем самым еще более усугубляет свою вину.

Образ Понтия Пилата в романе является обобщенным воплощением человека, который всегда находится перед выбором между "Богом и кесарем" и который оказывается неспособным услышать голос Истины. По нашему мнению, таким образом М. Булгаков хотел обратить внимание на причину, по которой Пилат так и не находит ответа на свой вопрос. Речь идёт о сущности человека, в большей степени зависимого от своей физической природы, нежели от духов-

ной. Библейская семантика образа "камня" значительно усложняет образ Понтия Пилата в романе, с одной стороны, указывая на приверженность человека к земному миру, с другой – на его духовную природу, способность быть краеугольным камнем Церкви Христовой (Ин. 1:35–42).

Роль первосвященника Каифы в романе также обнаруживает сходство с первоисточником. Согласно Евангелиям, Иисуса изначально привели к Анне, тестю Каифы, который решил переложить ответственность на первосвященника. Каифа обвинил Иисуса в богохульстве (Мф. 14:26), но так как не имел права привести в дело смертный приговор, то приказал отвести Иисуса к Понтию Пилату. Каифа перекладывает ответственность на Понтия Пилата, так же, как в Библии Анна склоняет к этому самого Каифу. Поэтому в романе Анна не упоминается, вся ответственность ложится на плечи Каифы как главы Синедриона. В евангельских текстах вопрос об освобождении решает не Пилат и не Синедрион, а народ Иудеи, вдохновлённый на это первосвященниками и старейшинами (Мф. 27:20). Согласно Библии, отпускают Варавву, который известен совершёнными злодеяниями и убийствами. В этом М. Булгаков не отступает от библейского сюжета, члены Синедриона также решают отпустить Варраввана.

В романе образ первосвященника Каифы воплощает духовную оппозицию, представленную в Старом и Новом Завете. Каифа является олицетворением духовного закона, служение которому не позволило ему увидеть в Иисусе Мессию. Как духовное лицо, представляющее еврейский народ перед Богом, Каифа воплощает неискоренимую склонность человечества к предпочтению земной власти по отношению к духовной. Он становится защитником царства земного, господство в котором принадлежит первосвященникам и фарисеям.

Образ Левия Матвея в романе обнаруживает сходства с его историческим прототипом Апостолом и евангелистом Матфеем, связанные с родом занятий (мытарь) и служением (последователь Христа). Отклонения от исторического прототипа касаются трактовки имени, описания внешности, постижения смысла учения, участия в судьбе учителя. Два имени: светское (Левий) и духовное (Матвей) подчёркивают двойственность персонажа, его стремление быть с Иешуа и, в то же время, непонимание Учителя. Отсутствие в романе сцены призвания к служению и отрицательное отношение Иешуа к записям Левия свидетельствует о своеволии булгаковского героя в отношении Божьего промысла. Непривлекательная внешность и

поведение Левия Матвея подчёркивает его человеческую природу и человеческое восприятие страданий Иешуа. Поэтому М. Булгаков отводит Левию Матвею миссию снятия тела учителя с креста и его погребение.

Субъективная интерпретация Левием Матвеем слов Иешуа даёт возможность определить функциональность этого образа, которая связана с авторским осмыслением сущности веры в Бога и предназначения писательства. Левий становится в романе двойником и Мастера, и самого автора, считающего, что человек приходит в мир, чтобы постичь Истину, но открыть её может только Спаситель.

Сопоставив образ Иуды с его историческим прототипом, мы определили сходства, касающиеся происхождения, имени, возраста и сцены избрания, и отличия – в описании внешности, приближенности к Иешуа, причины его предательства и обстоятельств смерти героя. Приятная внешность Иуды воплощает библейское представление о том, что зло в его земном обличье выглядит намного привлекательнее добра. В отличие от библейского Иуды, булгаковский герой оказывается подставным лицом в окружении Иешуа, который знакомится с ним ради денег. Причиной предательства героя становится любовь к женщине, ради которой он жертвует любовью Бога.

По нашему мнению, образ Иуды трактуется М. Булгаковым в евангельском ключе. Иуда в романе является воплощением человеческой слабости, влекущей за собой катастрофические последствия. Предательство Иуды влечет за собой смерть Иешуа, мечь Пилата, предательство Низы, исполнение приговора Афранием. Эта цепь злодеяний соответствует библейским представлениям о том, что один грех преумножает множество грехов. В образе Иуды, равно как и в каждом из связанных с ним образов, М. Булгаков показывает настоящую сущность человека и свидетельствует о том, что каждый человек сопричастен к предательству и смерти Христа.

В целом художественная трактовка М. Булгаковым библейских персоналий, предполагающая детальную портретную характеристику, углублённый психологизм образов, натуралистичность описания связанных с ними библейских событий, способствует реализации в тексте сакрального смысла Святого Письма. Будучи искушенными похотью, богатством, властью (светской и духовной), герои становятся жертвами человеческих слабостей и в разной степени разделяют страдания Иешуа: непонимание людей (Левий Матвей), невыносимую головную боль (Пилат), кровопролитие (Иуда). Судьба каждого из них воплощает евангельское представление о человеке как способном к раскаянию, заслуживающем прощение и обретающем Спасение благодаря Жертве Христовой.

Одним из самых спорных образов М. Булгакова является Воланд, персонифицированный образ Сатаны, которому многие исследователи отводят главную роль в романе [4; 13]. Функциональная значимость этого образа в романе вполне соответствует библейской трактовке. Внешность Воланда отвечает представлениям о привлекательности зла (Быт. 3:1–4). Загадочность, способность менять обличия и имена говорят об изменчивости его сущности (Иез. 28:11–19; Ис. 14:12–14). Традиционно Сатана выступает в роли искусителя [Мф. 4:1–11; Ин. 13:27], испытывает характеры людей, расследует человеческие дела, действуя в установленных Богом рамках (Иов 1:12; 2:6). В романе Воланд полностью подчиняется Иешуа. В его силах влиять на людей исключительно в историческом времени, он волен распоряжаться судьбами только в пределах отведённой ему власти. Согласно новозаветным пророчествам, что в конце времен все злые ангелы и власти покорятся Иисусу (Мф. 28:18), сидящему одесную Бога (Мк. 14:62; 1 Пет. 3:22; 1 Кор. 15:24). В соответствии с этим Воланд выполняет волю Иешуа в отношении Мастера и Маргариты и, более того, доказывает на страницах романа существование Бога. Предсказание о том, что Сатана будет *"низвергнут в бездну"* (Откр. 20:2–3) также находит отражение в романе в сцене исчезновения Воланда и его свиты [2, с. 431]. Таким образом, М. Булгаков воплощает в романе библейское представление о взаимодействии в мире добра и зла.

Хронотоп ершалаимских глав романа также соответствует библейскому изложению Священной истории. Кроме исторического прошлого (Иерусалим, 29 г.) и настоящего (Москва, 1929 г.), в произведении присутствует кайротическое время, представленное событиями Страстной Седмицы. Известно, что действие в московских главах происходит в предпасхальные дни, на что указывают история Фриды и разговор между Иваном Бездомным и Воландом о Канте. В соответствии с библейским представлением о времени М. Булгаков соотносит современность с историческими событиями первого столетия нашей эры, связанными с последними днями земной жизни Иисуса Христа. Придавая романному времени библейские характеристики, М. Булгаков подчеркивает, что события, происходившие в историческом прошлом, придают смысл настоящему времени и определяют будущее человечества.

Описывая пространственные характеристики в романе, М. Булгаков опирается на макет Ю. Ф. Виппера, наиболее точно изображавший Древний Иерусалим I века н. э. Писатель стремится в деталях воссоздать топографию Старого Города и его окрестностей,

где происходили изложенные в Евангелии события. М. Булгаков восстанавливает точные пространственные координаты пребывания Христа в Иерусалиме и Его крестного пути (*Иерусалимский Храм, флигели, мраморная лестница, центральные ворота дворца, каменный помост, городские башни, холм Голгофа*) в соответствии с библейским первоисточником. Таким образом М. Булгаков подчёркивает историческую достоверность Страстей Христовых и их сакральный смысл в истории человечества.

Предпринятый нами анализ романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита" с точки зрения его библейского кода опровергает сложившееся впечатление о его апокрифичности. В результате проведённого исследования мы пришли к выводу, что М. Булгаков не искажает библейские образы и события и, тем более, не претендует на создание своего Евангелия. В силу понимания греховности писательских претензий проповедовать Истину, в форме художественного вымысла М. Булгаков приобщает читателей "Мастера и Маргариты" к сакральному смыслу Святого Письма.

Литература

1. Абрагам П. Павел Флоренский и Михаил Булгаков. *Философские науки*. Москва, 1990. № 7. 30 с.
2. Булгаков М. Мастер и Маргарита. Москва, 1984. 451 с.
3. Виноградов И. Завещание мастера. *Вопросы литературы*. Москва, 1968. № 6. С. 68.
4. Галинская И. Л. Загадки известных книг. Москва: Наука, 1986. 128 с.
5. Дунаев М. М. Рукописи не горят? (Анализ романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита"). Пермь, 1999. 28 с.
6. Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова. Опыт исследования ершалаимских глав романа "Мастер и Маргарита". Москва: Текст, 2003. 189 с.
7. Лескис Г. А. Триптих М. Булгакова о Русской революции: "Белая гвардия", "Записки покойника", "Мастер и Маргарита". Москва, 1999. С. 218.
8. Манин Е. Новая эра? *Вестник*. 1998. № 22 (203). URL: <http://www.vestnik.com/issues/98/1027/win/manin.htm> (дата обращения: 11.11.2019).
9. Поздняева Т. Воланд и Маргарита. Ч. III. Гл. 2. Иешуа га-Ноцри и Новый Завет. Москва: Амфора, 2007. 448 с. (Серия "Новая Эврика"). URL: https://www.e-reading.life/chapter.php/82995/26/Pozdnyayeva_Voland_i_Margarita.html (дата обращения 14.11.2019).
10. Поздняева Т. Воланд и Маргарита. Ч. III. Гл. 2. Иешуа га-Ноцри и Новый Завет (Продолжение) Философия Иешуа. Москва: Амфора, 2007. 448 с. (Серия "Новая Эврика"). URL: <https://culture.wikireading.ru/51841> (дата обращения: 14.11.2019).
11. Поздняева Т. Воланд и Маргарита. Ч. III. Гл. I. Социальная лестница. Москва: Амфора, 2007. 448 с. (Серия "Новая Эврика"). URL <https://culture.wikireading.ru/51839> (дата обращения 14.11.2019).

12. Родионов М. С. Евангелие от Булгакова (к вопросу об истоках образа Иешуа Га-Ноцри). *Наука и исследование*. Москва, 2018. № 8. С. 13–14.
13. Яновская Л. М. Треугольник Воланда. *К истории романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита"*. Київ: Либідь, 1992. 188 с.

References

1. Abragam, P. (1990). *Pavel Florenskiy i Mihail Bulgakov* [Pavel Florensky and Mikhail Bulgakov]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. Moscow, № 7. 30. [in Russian].
2. Bulgakov, M. (1984). *Master i Margarita* [Master and Margarita]. Moscow, 451. [in Russian].
3. Vinogradov, I. (1968). *Zaveschanie mastera* [Testament of the master]. *Voprosy literatury* [Questions of the literature]. Moscow, № 6. 68. [in Russian].
4. Galinskaya, I. L. (1986). *Zagadki izvestnykh knig* [Riddles of famous books]. Moscow: Nauka. 128. [in Russian].
5. Dunaev, M. M. (1999). *Rukopisi ne goryat?* (Analiz romana M. Bulgakova "Master i Margarita") [Don't manuscripts burning? (Analysis of the novel by M. Bulgakov "The Master and Margarita")]. Perm. 28. [in Russian].
6. Zerkalov, A. (2003). *Evangelie Mihaila Bulgakova* [The Gospel of Mikhail Bulgakov]. *Opyt issledovaniya ershalaimskikh glav romana "Master i Margarita"* [Research experience of the Yershalaim chapters of the novel "Master and Margarita"]. Moscow: Tekst. 189. [in Russian].
7. Lesskis, G. A. (1999). *Triptih M. Bulgakova o Russkoy revolyutsii: "Belaya gvardiya", "Zapiski pokoynika", "Master i Margarita"* [Triptych of M. Bulgakov on the Russian Revolution: "The White Guard", "Notes of the deceased", "Master and Margarita"]. Moscow. 218. [in Russian].
8. Manin, E. (1998). *Novyaya era?* [Is it a new era?]. *Vestnik [Herald]*. 22 (203). URL: <http://www.vestnik.com/issues/98/1027/win/manin.htm> (Last accessed: 11.11.2019).
9. Pozdnyayeva, T. (2007). *Voland i Margarita* [Woland and Margarita]. III. 2. *Ieshua ga-Notsri i Novyy Zavet* [Yeshua Ha-Notzri and the New Testament]. Moscow: Amfora. Seriya: Novaya Evrika. 448. URL: https://www.e-reading.life/chapter.php/82995/26/Pozdnyayeva_Voland_i_Margarita.html (Last accessed 14.11.2019).
10. Pozdnyayeva, T. (2007). *Voland i Margarita* [Woland and Margarita]. III. 2. *Ieshua ga-Notsri i Novyy Zavet (Prodolzhenie) Filosofiya Ieshua* [Yeshua Ha-Notzri and the New Testament (Continuation) Yeshua Philosophy]. Moscow: Amfora. Seriya: Novaya Evrika. 448. URL: <https://culture.wikireading.ru/51841> (Last accessed 14.11.2019).
11. Pozdnyayeva, T. (2007). *Voland i Margarita* [Woland and Margarita]. III. 1. *Sotsialnaya lestnitsa* [Social ladder]. Moscow: Amfora. Seriya: Novaya Evrika. 448. URL: <https://culture.wikireading.ru/51839> (Last accessed 14. 11. 2019).
12. Rodionov, M. S. (2018). *Evangelie ot Bulgakova (k voprosu ob istokakh obraza Ieshua Ga-Notsri)* [The Gospel of Bulgakov (on the question of the origins of the image of Yeshua Ga-Notzri)]. *Nauka i issledovaniya* [Science and research]. Moscow, № 8. 13 – 14. [in Russian].

13. Yanovskaya, L. M. (1992). *Treugolnik Volanda* [Triangle Woland]. *K istorii romana M. Bulgakova "Master i Margarita"* [To the history of the novel by M. Bulgakov "The Master and Margarita"]. Kiev: Libld. 188. [in Russian].

Ludmila Ostapenko

Candidate of Philology, Associate Professor,
Slavic Philology, Comparative Studies and Translation Department,
Nizhyn Mykola Gogol State University

Tatiana Semendyay

Master of Philology, Philology, Translation and Journalism Institute,
Nizhyn Mykola Gogol State University

The biblical code in M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita"

The article is devoted to identifying features of the Bible's artistic reception in M. Bulgakov's novel "Master and Margarita". The authors research the biblical code of the novel and refute the myth of the writer's apocryphalism.

In our article we made a comparative analysis of the characters of the novel in comparison with the biblical prototypes, outlined and interpreted the deviation from the primary source, defined the role of the biblical characters in revealing the ideological content of the work. The authors argue that, despite some deviations from the Bible, the image of Yeshua Ha-Notzri, created by M. Bulgakov, is entirely consistent with the sacred meaning of the Old Testament prophecies about the Messiah and the Gospel texts that testify to the earthly life of Christ. Researchers say that Yeshua is devoid of a messianic profile, but his role in the fate of other characters in the work embodies the biblical idea of Salvation. We made analysis of the characters of the Ershalaim sections of the novel from the perspective of Sacred History which shows that, just like biblical characters, they are not only connected to historical realities, but are carriers of sacred meaning. M. Bulgakov created in the novel a universal typology of human characters that fulfill different functions about Yeshua and at the same time appear to be involved in his death. The authors of the article argue that M. Bulgakov's artistic reception of biblical personalities, which provides detailed portrait characteristics, deep psychology, naturalistic depiction of biblical events, promotes realization in the work of the sacred meaning of Scripture.

In our article we described the features of biblical time and space and their functionality in the novel. The observations of the authors attest to the presence in the novel of historical and kyrotic times. According to biblical ideas about the time, M. Bulgakov relates the present with the events of the first century AD, connected with the last days of the earthly life of Christ. The biblical characteristics of time in the novel are proof that, according to the writer, these events determine the present and future of mankind.

A survey of the spatial features of the Ershalaim sections of the novel attests to the documentary reproduction of the topography of Jerusalem in the first century AD. The authors guess that the image in the novel of the Ancient City and its environs proves M. Bulgakov's desire to adhere to the biblical canon and helps to restore topographic details that are not specifically stated in the Bible.

*The study has shown that taking into account the biblical code, which contains characters of the Ershalaim chapters and features of the novel's chronotope, is extremely important to understand the author's design. The authors of the article are convince that in the novel "Master and Margarita" M. Bulgakov does not distort biblical *сфєркєцєкє* and events, but with the help of artistic fiction attracts readers to the sacred meaning of Scripture.*

Key words: M. Bulgakov, "Master and Margarita", biblical code.